

Элла Чак

Дело Шести
Безумцев

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-16

Иллюстрации на обложке и в блоке текста
Станиславы Иванкевич (Night Crow)

Чак, Элла.

Ч-16 Дело шести безумцев / Элла Чак. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. — (Академия тайн).

ISBN 978-5-04-191364-9

Кира Журавлева учится на психолога-криминалиста и стажирруется в детективном бюро. Вместе с патологоанатомом Камилем Смирновым она расследует безнадежное дело о массовом самоубийстве.

Перед гибелью каждая из жертв будто сошла с ума и покончила с собой жестоким и необычным способом. Танцуя на перилах моста. Завтракая грунтом. Играя на гитаре посреди скоростной автострады...

Но не безумие несчастных пугает Киру. Ее вдруг начинают преследовать призраки прошлого. Кто-то плетет для нее кровавую паутину, тоже заставляя медленно сходить с ума. Кто же этот коварный паук-птицеед? Напарник по бюро? Старый знакомый? Или ее восставшая из мертвых кузина, когда-то предсказавшая эту трагедию?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191364-9

© Чак Э., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

СУКА С ПЕРОМ

Прошло два месяца, двадцать два дня, два часа и двадцать одна минута с того момента, как мне пришло СМС от следователя Воеводина, что тест на родство с Максимом Воронцовым показал отрицательный результат.

«...и двадцать две секунды...» — смотрела я на циферблат огромного будильника с двумя золотистыми шапками звонков, фантазируя, легко ли такими часами убить человека.

В голове появился столбец «орудие убийства» из годовой статистики, над которой я работала для Воеводина, приняв предложение о стажировке. Чаще всего убивали холодным и огнестрельным оружием, реже ядами. Попадались и уникальные предметы убийства: шар для боулинга, банка консервированных помидоров, даже обгрызенный карандаш или канцелярская скрепка.

«Убить скрепкой, — задумалась я, — интересно было бы на это посмотреть...»

Я резко зажмурилась от подобной идеи... или от шепота, что послышался эхом из-за стен: «Увидишь...»

Еще немного, и я превращусь в параноика, опередив своего нового коллегу — патологоанатома и медэксперта Камиля Смирнова. Камиль предпочитал общаться с мерт-

выми, а не с живыми, а меня и вовсе по непонятной причине ненавидел.

И что, по его мнению, не так? Я слишком жива и недостаточно мертва?!

«Именно...» — шепнул сквозняк, и, накинув на голову капюшон худи, я резко стянула тесемки в удушающем обхвате. И почти тут же развязала их обратно, вспомнив, что удушение занимает вторую строчку в таблице с причинами смерти.

Звуки, что полгода назад я приняла за звон в ушах после взрыва в оранжерее, все больше походили на голос... ее голос... оставшийся в моей голове.

Я отвела взгляд от плотно задернутой занавески, от всполохов свечей с ароматом экзотических фруктов, от играющих в бадминтон искорок на луковках-колоколах будильника, когда в поле зрения угодила Геката — белый хорек, что жил когда-то у Аллы.

Геката — имя богини ядов и ночных кошмаров. Что-то таинственное, непознанное и темное внутри пушистой оболочки — такой казалась Воронцова Алла. Вечная чемпионка, с умом, превосходящим в развитии человеческий, многоликая и бессмертная богиня.

— Бессмертная, — вздрогнула я и на всякий случай зажгла еще одну свечу, чтобы в комнате стало светлее, чтобы перестала скакать по стенам тень Гекаты — то ли хорька, то ли мертвой девушки, застрявшей тенью у меня в голове.

Она ушла в пространство, где нет будильников и скрепок, где никто не убьет ее снова никаким, даже самым эксцентричным способом, пока здесь, в темноте и мраке съемной квартиры, отовсюду будет разноситься раскатистый смех с придыханием и стук ее красных каблуков, стреляющий эхом мне в висок.

ДЕЛО ШЕСТИ БЕЗУМЦЕВ

Но самый страшный отпечаток гениальности Аллы достался Воеводину. Тот след, от которого каждая ишейка приходит в ужас, — след, что заводит сыскного пса в тупик.

Семен Михайлович так и не смог найти ответ на вопрос: куда ведут следы, на кого нацелилась смерть, зашифрованная в детских рисунках Аллы, что созданы из ингредиентов бесконечного количества наук — от теории графов до биоинженерии?

Воеводин увидел их впервые много лет назад, когда, используя свои влиятельные связи, мама Аллы вышла на необычного следователя. Она решила, что если не врачи и не экстрасенсы, то, может, полиция (и хорошо, что она необычная, как и ее девочка) ответит на вопрос, почему ее дочь снова и снова хоронит трех кукол, рисуя им на лбах прицел оптической винтовки. Что за ужасы она рисует на альбомных листах? Ужасы эти мать Аллы ощущала всем своим существом. Она не признавалась, но я видела этот родительский страх в ее обожании собственной дочери — кто же ее ребенок?

Воеводин не смог расшифровать каракули девочки, которые, повзрослев, она назвала «уравнениями смерти». И никто не смог. Теперь ее наследие перекочевало на пробковую доску в кабинете Воеводина, и каждый гость Семена Михайловича отвешивал в адрес «уравнений» милую улыбочку, принимая их за рисунки внучат сентиментально настроенного седовласого вояки. В бюро появился шифровально-лингвистический отдел, который возглавил Женя Дунаев — бывший агент под прикрытием в семье Воронцовых.

Всякий раз я чувствовала неловкость, пересекаясь взглядом с Женей. Все-таки моя бабуля с ружьями наперевес прострелила ему — сотруднику полиции — руку, решив, что он выстрелит в меня, ведь все мы считали Женю водителем и охранником Воронцовых.

Но Женя был счастлив уже тем, что бабуля прострелила его кисть филигранно, не задев важных сухожилий. И хоть с оперативной службой Женя на время расстался, он с энтузиазмом возглавил шифровальщиков, и теперь его команда билась над переводами посланий с рисунков.

Воеводин с Женей часто дискутировали, уставившись на доску. Я переставала конспектировать их споры, обращая взор к потолку — а существуют ли силы на этой планете, способные разгадать тайну Аллы?

Воеводин оборачивался на меня, и я читала немой ответ в его взгляде: «Да, и это ты».

Но пока ни я, ни Дунаев, ни всезнайка Камиль со своей задачей справиться не могли, сколько бы ни всматривались в формулы — Женя с ужасом, Воеводин с надеждой, я же с азартом пусть не пса, но щенка, уже допущенного к тренировкам.

Камиль умел замечать эту манию, когда украдкой поглядывал на меня. Каждой клеткой я ощущала его вторжение в мое «астральное» тело. Было в Камиле что-то... темное, что могло заинтересовать в нем таких, как и я, но отталкивало остальных тридцать восемь из сорока сотрудников бюро.

Собственно, терпеть Камиля могли только мы с Воеводиным. Ведь работа в паре с Камилем походила на поедание плода с дерева цербера.

Алле бы оно понравилось! Может, дерево и так цело в ее оранжерее, считаясь одним из самых ядовитых, настолько, что, запалив костер из древесины церберы, легко отправиться в кому. Древние народы Африки использовали ядовитые семена как тест для обвиненных преступников: съел горсть и не умер — не виноват. Погиб в муках — виновен. Всего-то и дел: ни присяжных, ни адвокатов или обвинителя.

ДЕЛО ШЕСТИ БЕЗУМЦЕВ

Ничего, кроме яда.

И не придерешься к правосудию.

Когда Камиль Смирнов достаивал меня своим вниманием, то устремлял он взгляд исключительно на ухо. Он никогда не смотрел мне прямо в глаза.

Не перепутал ли он Горгону и Гекату?

Бойтся, что я превращу его в камень, если он посмотрит в глаза, а не на баранки или разноцветные колечки от сухого завтрака, которые (ради шутки) я вешала себе на излюбленное им левое ухо? Когда он, со своим типичным косоглазием, начинал говорить, в ответ я без стеснения и пиетета рассматривала его шрам — между уголком брови и линией роста волос. Из-за него Камиль часто лохматил свои вьющиеся отросшие волосы — пытался спрятать топорщащиеся бороздки на виске.

Шрам напоминал тонкое кружево красной паутины, что двигалась вместе с морщинками вокруг его глаз, когда он шевелил губами. Чуть ли не на второй день стажировки я спросила Воеводина, что произошло с Камилем.

На мой вопрос Воеводин уклончиво ответил, что шрам у него остался после огнестрельного ранения, но об обстоятельствах умолчал. Ранение Камиль пережил, но оно оставило ему на память о себе контузию — подергивание левого плеча.

Чем сильнее волновался Смирнов, тем заметнее колотилось плечо. Почти при каждой беседе. Ведь Камиль бесился постоянно без особого на то повода, как всякий тиран и коллега-ненавистник. Ясно дело, что в бюро его не любили. Угрюмый, надменный, молчаливый. Еще и умный. Кто таких будет любить? За глаза его прозвали Задович. Видимо, из-за созвучности с отчеством Агзамович.

Камиль был интересен мне, как любая загадка, лишенная света. Каменное лицо на поверхности Марса волно-

вало меньше, чем окаменевшее лицо Камиля. Может, я и правда немного Горгона?

Я непременно должна узнать — что с ним не так. И почему Воеводин упорно ставит нас в пару на все совместные выезды, куда отправляется сам?

Сидя в темноте и полумраке с шепотками Аллы в голове, уткнувшись носом в белую шкурку Гекаты, что свернулась на шее белым воротником, я снова не отправила СМС Максиму. От необходимости принять решение меня спасло входящее сообщение от Воеводина. Приложенная записка гласила, что завтра в семь утра состоится незапланированный выезд в дачный поселок Костино на осмотр места, где была обнаружена человеческая кость.

Что ж, Максим подождет. Его опередило Костино.

* * *

— Кость в Костино? — спросила я Воеводина, когда приехала на своем самокате-Франкенштейне (спаянном из мусора) к особняку Страховых, где располагалось бюро.

— Доброе утро, Кира. Да... говорящее название. Но дело мне показалось занятным.

— И чем же?

— Тем, что Костино в трех часах езды от бюро.

Вот и пойми его. Как связаны три часа и человеческая кость в дачном поселке?

Воеводин достал часы на золотой цепочке из кармана жилета и продолжил:

— Судя по снимку, который мы получили от участкового, — протирал Воеводин брегет с откидной стеклянной крышкой, — обнаруженный фрагмент тела — часть берцового сустава взрослого мужчины. Такой вывод сделал Камиль.

— Опять Смирнов...

— Опять Журавлева... — раздался разочарованный выдох Камиля у меня за спиной. — Без шлема? — покосился он на Франкенштейна, а потом на мое ухо. — Торможение твоей головы об асфальт прибавит мне часов к смене. Придется твои мозги пипеткой по пробиркам засасывать.

Я не стала представлять «засос» пипеткой моих мозгов в исполнении Камиля (он и так без усталости выносил их при каждой нашей встрече). Тем более из-за долгого отсутствия у меня парня подобные слова провоцировали на излишнюю дрожь, но чаще на воспоминания то о Максиме, то о Косте.

Камиль хотел меня взбесить, но я лишь непроизвольно мечтательно улыбнулась, взбесив этим его.

— Кость в Костино... — покосилась я на Воеводина, думая о том, как принятые мной и Максимом решения не смогли минимизировать людские потери в оранжерее.

Мы их МАКСИМИзировали. Вместо того чтобы уничтожить яды Аллы, мы уничтожили их повелительницу — богиню тайн, которая хранила секрет в том числе и о пыльце, от которой веяло терпким ароматом герани. Алла взорвала свое хранилище сама, планируя убить меня. Она выиграла в том сражении, придя к финишу первой.

К тому, где победитель пересекает черту и разрывает похоронную черную ленту.

Когда в машине по пути в Костино Воеводин перечислял три основных мотива преступлений: страсть, деньги и месть, я повернула голову к Смирнову, который ссутулился на заднем сиденье, делая вид, что читает книгу, и спросила:

— Ты веришь в страсть, Камиль? Веришь, что она способна убить?

— Месть, — буркнул он, — только месть способна убить. А страсть так... отшлепать.

— Страсть — это восклицательный знак любви. Она сильнее, чем шлепки.

Его плечо дернулось, а пальцы скользнули по шраму-паутинке на виске, пытаясь прикрыть его копной волос.

— Норадреналин, серотонин и допамин. Фенилэтиламин, эндорфины и крохи окситоциновой обезболки — вот что такое «любовь». Гормоны. Химия. Наука. Точка. Никакого восклицания.

— Раз ты ученый, ты должен верить в любовь. Хотя бы в допаминую.

— Я верю в физику, — продемонстрировал он обложку книги, — в этой науке нет никаких глупостей. Никакой, — перекорежило его губы, — допаминовой бурды. — Так и не смог он произнести ругательное в его понимании слово на «л».

— А как же уравнение Дирака? В нем зашифровано признание в любви. Когда две частицы вступают в контакт, их связь остается навечно, даже если они отправятся на противоположные концы планеты. То, что случается с одним, влияет на другого.

— Как у журавлей, — бросил реплику Воеводин, который вел машину, — когда в один день и час они возвращаются друг к другу с противоположных краев планеты.

— Нет, — отрезала я, отворачиваясь к окну, — у журавлей не так... пока они возвращаются, их могут подстрелить охотники или сожрать дикие звери.

Воеводин замолчал, но не Камиль:

— Это не уравнение Дирака, а уравнение «дурака», Журавлева. Где ты вычитала такое определение? В статусе социальной сети? — И он продолжил подтрунивать надо мной: — «Меня легко потерять, но невозможно забыть?»

— Камиль, — одернул его Воеводин, — не шути про память и Киру, будь так добр. И коллеги, прошу вас, в Костино вы должны общаться профессионально. С выдерж-

ДЕЛО ШЕСТИ БЕЗУМЦЕВ

кой и уважением к свидетельнице или участковому. Исключительно деловым тоном. Вы сможете?

Смирнов ответил, не поворачивая головы:

— Отправьте Журавлеву в делопроизводители. У них прекрасный «деловой» тон.

— У нас нет такого отдела, Камиль, — ответил Воеводин.

А я возразила:

— Камиль все устроит. Выкопает мне бункер под своими катакомбами и секционной!

Спускаться в подземные владения Задовича опасались все, кроме меня, Жени Дунаева и его лингвистов-переводчиков, работающих с шифрами. Им не досталось пространства на трех этажах выше уровня земли, и временно (а в переводе с офисного это означало «навсегда») Дунаеву и его команде выделили кабинет недалеко от Смирнова.

Камиль фыркнул:

— Тянет под землю? Думал, ты Журавлева, а не Кротова. Тебе бы в небо. В кабинет на чердаке.

— А тебе бы на остров! На необитаемый! Без коллег и вообще без людей! — выкрикнула я, но Камиль от безобидной фразы (не к черту же я его послала, а почти что в рай) пришел в бешенство, как и его плечо, что дернулось трижды.

Выскочив из машины, Смирнов поправил синие латексные перчатки, в которых провел весь день. Он был в них к особняку еще утром, но для нас с Воеводиным это было нормой. Камиль никогда их не снимал, находясь в бюро, словно не собирался прикасаться ни к чему, что трогали его коллеги.

— Где эта сука?! — взревел Камиль, пока я краснела, закрывая блокнотом лицо, которое приобрело тон моих

красных гольфов в клетку. Я думала, что он зовет так свидетельницу Ляпину, но Воеводин меня успокоил:

— Он о собаке, Кира. Кокер-спаниель Ляпиной по кличке Золушка принес в дом ту самую берцовую кость, скорее всего, из мусорного бака неподалеку.

— Бака! — хмыкнул приблизившийся к нам участковый. — Тут же ж мусорный «бак» под каждым кустом! Не люди, а свиньи! Штрафов на них не хватает. Там псина и подобрала кусок мужика!

Камиль не слушал участкового. Вооружившись лупой — треснувшее стекло, рукоять перемотана синей изолентой, — он шарил ею между ног хозяйки Золушки. Уверена, Камиль не замечал босую блондинку в бикини, ее маняще покрывшуюся мурашками шею и спущенные бретельки купального лифа, пока Золушка крутилась и твюкала возле ее ног. Перестав пытаться успокоить псину, Камиль схватился за лодыжки девушки, резко раздвигая их в стороны, и поймал спаниеля за ошейник.

— Тише, девочка, тише, все будет хорошо.

— Вы считаете? — обмахивалась ладонью свидетельница.

Но Камиля никогда не интересовали теплые тела, его привлекали ледяные трупы, с которыми он работал в подземелье с утра до ночи, швыряясь сброшюрованными папками о дверь, когда материал в них был переписан сотрудниками медблока не тем шрифтом или без нужных запятых.

И теперь уже я обхватила себя за локти. Не из-за того, что боялась мертвых. Я представила, как в скором времени и мне придется уворачиваться от папок-бумерангов Задовича, когда Воеводин переведет меня в отдел делопроизводства, где я стану единственным сотрудником.

А ведь так и будет, если мы не сможем работать в команде.

ДЕЛО ШЕСТИ БЕЗУМЦЕВ

Пока мы ехали в Костино, книга в руках Камиля навела меня на одну идею. Я и сама любила почитать, особенно учебник «Психология криминалиста. Первый курс». Я знала его назубок и парой уловок из главы шесть была готова воспользоваться, чтобы мы с Камилем раз и навсегда разобрались в вопросе: кто сука, а кто кобель и где чья территория, кому достанется чердак, а кому подземелье!

Продолжая водить лупой над Золушкой, Камиль отрывисто ответил хозяйке:

— Я говорю с собакой. Вы мешаете! Можно не стоять у меня над головой? — И опустил на колени в свежеспаханную грязь.

Если Камиль и бывал когда-то доволен, то в эти моменты он выглядел таким, как сейчас, — с благоговением держа в руках кусочек грязи размером с копейку, что он только что снял пинцетом с морды спаниеля.

Встав на ноги и обернувшись, Камиль ткнул мослом в пакете для улик мне под нос, направив взгляд мимо, и спросил:

— Журавлева, это что?

— Суставная кость, — быстро ответила я.

— Животного, человека, какого сустава? Костей в организме больше двухсот.

— Берцовая, — добавила я, — кость человека.

Камиль кивал и смотрел на хозяйку Золушки:

— Даже стажерка знает, как выглядит кость, а вы, Ляпина, нет? Повезло еще, что вы и за псиной не следите. Иначе не видать нам улик!

Ляпина принялась оправдываться:

— Я думала, Золушка с помойки мячик притащила! Она постоянно приносит хлам и дохлятину! Однажды прикопала у крыльца ворону, нет, вóрона! Черного тако-